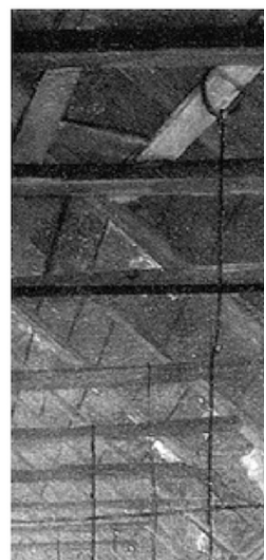

И. Я. МУРЗИНА
А. Э. МУРЗИН

КУЛЬТУРА УРАЛА

ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, МЕТОДИКА
ПРЕПОДАВАНИЯ

12+

Ирина Мурзина
Культура Урала

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Мурзина И. Я.

Культура Урала / И. Я. Мурзина — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-532-10470-9

Монография посвящена анализу истории культуры Урала как явления российской региональной культуры. Рассматриваются основные характеристики региональной культуры, предложен ее теоретико-культурологический анализ, в ходе которого раскрываются логика, характер и особенности исторического развития культуры Урала, ее вписанность в общероссийский и мировой контекст. Также в работе представлена методика изучения и преподавания культуры Урала. Монография предназначена для культурологов, историков, краеведов и всех, кто интересуется историей Уральского региона. В оформлении обложки использованы фотографии из личного архива авторов.

ISBN 978-5-532-10470-9

© Мурзина И. Я., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Введение	5
Глава 1. «Регион»: теоретические подходы к описанию явления	9
Глава 2. Региональная культурология в России: от становления к обретению предметного поля	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Введение

Изучение региональной культуры отвечает потребности анализа одной из ключевых проблем современности: необходимости осмыслить исторически сложившееся единство национальной культуры, осознать ее как сложную систему, специфическое единство многообразия, включающее в себя неповторимый облик каждого из составляющих его элементов.

История уральской культуры – яркий пример становления и развития региональной культуры. Являясь составной частью культуры России, она, вместе с тем, представляет собой относительно самостоятельное явление, обладающее собственными закономерностями и логикой развития. В этом выражается одна из специфических особенностей исторического пути российской культуры.

Культурное пространство России, с точки зрения ее топологии, в сопряженности с существующими географическими представлениями и образами, стремится предстать не в виде суммы разрозненных культурных феноменов, но как система взаимосвязанных, закономерным образом взаимообусловленных элементов.

Роль и статус регионов в истории и современной России представляется необходимым рассмотреть в контексте региональной стратификации культурного пространства страны. Выделение регионов в качестве структурообразующих элементов внутрироссийского культурного пространства имеет особый смысл еще и потому, что в силу российской специфики многие из регионов могут рассматриваться как отчетливо очерченные (хотя и внутренне неоднородные), относительно самостоятельные культурные пространства.

Внутрироссийское культурное пространство может быть рассмотрено как феномен, образованный взаимодействием регионов в качестве культурных реальностей, а место каждого из «региональных» пространств может быть определено через его отношение к другим культурным пространствам. Их взаимные диспозиции, отношения со столицей могут быть рассмотрены как элементы, образующие структуру культурного пространства страны в целом.

Историческое развитие России с конца XVI в. было тесно связано с расширением страны на восток: за полвека русские землепроходцы прошли от Уральского хребта до Тихого океана свыше семи тысяч километров – территорию, примерно равную по площади европейскому континенту. Тем не менее, даже в 1721 г., после того, как вся страна вплоть до Тихого океана стала официально именоваться Российской империей, ее продолжали воспринимать как состоящую из двух частей – Европейской России и Сибири.

То, что собой представляло внутрироссийское пространство в XVIII–XIX вв., и то, как оно воспринимается сегодня, имеет существенные различия. Важно понять, что центральное ядро будущей империи успело сложиться в политическом, этническом, культурном отношении прежде, чем вслед за походом Ермака и присоединением «Сибирской земли», оно начало стремительно разрастаться. С точки зрения истории формирования, структуру внутрироссийского пространства можно схематично представить в виде исторически сложившегося ядра – Центральной России – с присоединенной к нему огромной территорией.

Следы этой двойственности легко обнаруживаются даже в современном историческом сознании. Скажем, события конца XVI–начала XVII вв. (смерть Ивана Грозного, династический кризис, Смутное время, когда под угрозой оказалось существование русского государства) и присоединение Сибири – настолько значительны для судеб страны, что они кажутся составляющими содержание разных этапов отечественной истории. На деле же они совершались почти одновременно.

С другой стороны, процесс колонизации обычно рассматривается с точки зрения расширения границ государства и распространения русской культуры. Недостаточно понятным остается социокультурный смысл «прирастания России Сибири».

Именно на осваиваемых территориях русская культура сталкивается с новыми для себя условиями существования – природно-географическими, хозяйственно-экономическими, этнокультурными. Процесс адаптации русской культуры и ее взаимодействие с культурами коренных народов приводит к формированию специфической ситуации. Происходящее, в конечном итоге, обусловили изменения и развитие русской культуры в целом.

Историк В. Ключевский утверждал, что колонизация есть «основной факт» русской истории. Следствием присоединения Сибири стала трансформация России в евразийское государство, многонациональное, многоконфессиональное, мультикультурное по своему составу. С этого времени регионализм становится постоянно действующим фактором внутреннего развития страны.

В последние десятилетия возрос интерес к региональной специфике, появились многочисленные исследования, посвященные феномену регионализма, его геополитической и социально-экономической составляющим.

Регион как единица целой страны может быть рассмотрен не только в политическом или административном смысле, но и как «ментальная конструкция», т. е. как представление о конкретном, географическом и культурном пространстве, закрепленное в сознании людей. В процессах осмысления региона как специфического историко-географического пространства можно проследить, каким образом происходит его «выделение» из общего мира национальной культуры; как постепенно на единой территории России, в единых административных границах русского государства, людьми, осознающими свое единство с центральной Россией, возникают особые формы культурной жизни.

Фактически формируется и начинает существовать, постепенно выделяясь из общего мира русской культуры, но, не порывая с ним, особая культура – региональная. Но достаточно длительное время носители этой культуры не осознают ее как нечто особенное. В этом кроется известная парадоксальность региональной культуры как феномена, существующего одновременно и внутри национальной культуры, и наряду с ней.

Под региональной культурой мы понимаем специфическую форму существования социума и человека, имеющую выраженную пространственно-географическую очерченность, опирающуюся на собственную историческую традицию и систему ценностей, продуцирующую определенный тип личности.

Уникальное местоположение Уральского хребта между двумя основными очагами мировых цивилизаций – Европой и Азией, создавало возможность для постоянного взаимодействия Востока и Запада; разнообразие природно-географических условий Урала приводило к пестроте культурно-хозяйственных укладов, возникших здесь еще в эпоху неолита и оказавших воздействие на весь дальнейший ход исторических событий.

Петровская индустриализация на несколько столетий превратила Урал в промышленный анклав внутри крестьянской страны. Здесь складывалась своя горная система управления, формировалось особое сословие мастеровых. Специфические черты имела и духовная жизнь края.

Всероссийское и мировое признание Уралу принесли камнерезное и ювелирное искусство, кушвинское и каслинское чугунное художественное литье, суксунские изделия из меди, златоустовская гравюра на стали, нижнетагильская роспись по металлу, строгановская и невянская иконопись. Неповторимый архитектурный облик уральских городов-заводов, самобытный горнозаводский фольклор, духовные традиции допетровской Руси, в том числе и привнесенные старообрядцами, вплетенные в логику промышленного развития региона, – все это дает основания говорить об Урале как особом географическом пространстве со специфическими формами социальной и культурной жизни.

Утверждающийся сегодня в науке взгляд на уральскую культуру как относительно самостоятельный феномен внутри российской культуры позволяет увидеть ее в широком социокультурном контексте как явление, обусловленное всей системой хозяйственно-социальных

связей, сложившихся в крае, условий и способов жизни уральцев, особенностей духовной атмосферы; дает возможность выявить внутреннюю целостность и единство региональной культуры, воплощающих специфически уральское мироощущение; описать ее качественные стороны как явления, обладающего системными свойствами; обнаружить присущие ей механизмы и закономерности развития; проследить логику ее исторического пути.

Модернизационные процессы, разрушение традиционного уклада жизни в начале XX в. и особенно революционные потрясения по-своему отразились на развитии уральской культуры, наложив свой отпечаток на ее судьбу. В 20–30-е гг. XX в. в период так называемой индустриализации произошел решительный переворот в истории и культуре Урала. В это время меняется не только технологическая основа существования, промышленная специализация и социальный состав населения, но и весь культурный облик, включая изменения типа личности уральца. Это дает основания говорить о формировании новой культурной традиции советского Урала.

В 90-е гг. XX в. происходит новый всплеск интереса к уральской истории и культуре, осмысливается характер региональной идентичности, восстанавливаются связи современной культуры с культурой горнозаводского Урала в поисках внутренней опоры развития региона как субъекта Российской Федерации.

После распада СССР и утраты прежней государственно-идеологической основы обнаружилось, что прежнее единство России было во многом формой преодоления реального многообразия образующих ее регионов и национальных территорий. Утрата прежнего представления о единстве страны, неопределенность образа целого, потеря регионами своего прежнего места внутри общероссийского пространства спровоцировали начавшийся кризис регионального самосознания. Поставленные перед необходимостью самоопределяться в условиях начавшихся реформ, в условиях ослабления центральной власти и усиления процессов дезинтеграции в стране, российские регионы в поиске новой идентичности, стратегии внутреннего развития пытались найти опору в собственном историческом прошлом, в местной истории.

«Регионализация» России 1990-х годов, последовавшая за этим борьба за возвращение значения и роли центральной власти заново поставили вопрос о том, что собой представляет внутрirosсийское пространство. В изменившихся внутрirosсийских условиях реакцией на усиление центробежных тенденций 1990-х гг. стало выдвижение на первый план в качестве первоочередной задачи по укреплению единства страны, что нашло свое конкретное оформление в виде курса на усиление «вертикали власти», повышение «управляемости» регионов. В практической политике это получило свое выражение в создании системы федеральных округов, укрупнении регионов, усилении централизации.

На самом деле, внутреннее единство страны обеспечивается не только укреплением политической и административной власти федерального центра, но и развитием регионов, опирающимся на усиление центростремительных тенденций во внутрirosсийском пространстве. Плодотворность и конструктивный характер данного процесса будет очевиднее при условии того, что становление российских регионов как субкультурных пространств акцентирует связь каждого с единым целым страны.

Цель данной работы: представить уральскую региональную культуру как составную и неотъемлемую часть общероссийской и мировой культуры.

Задачи данной работы: раскрыть развитие региональной культуры на примере Урала как процесс, обладающий своей логикой и закономерностями, обусловленный внешними (политики, влияния столичной культуры) и внутренними (природно-географическими, социально-экономическими, историко-культурными, этническими, религиозными) факторами; выделить основные этапы ее развития и охарактеризовать их содержание; предложить методику ее изучения в системе образования.

Главы 1, 2, 3, 8, 10 написаны И. Я. Мурзиной; главы 5, 6, 7 – А. Э. Мурзиным; Введение, главы 4, 9, Заключение – в соавторстве.

Глава 1. «Регион»: теоретические подходы к описанию явления

Для описания современной социокультурной ситуации используется довольно объемный понятийный аппарат. Сложность социальных систем, многообразие их связей требуют и многообразия дефиниций. Особую сложность приобретает анализ современных процессов глобализации и регионализации. Основные тенденции современного мира невозможно рассматривать вне этой логики. Однако именно здесь разнонаправленность устремлений исследователей, множественность трактовок понятий зачастую затемняет понимание процессов. Слишком широкое использование терминов требует уточнения понятий.

В эпоху глобализации процессы интеграции и дезинтеграции социальных групп, государств, межгосударственных образований приобретают особую актуальность. Множество возникающих сегодня проблем прямо или косвенно указывают на то, что мир не до конца определился в своем движении. Одним из свидетельств нам видится противопоставление интересов глобальных региональным и локальным. Очевиден тот факт, что пренебрежение интересами отдельных регионов, местных сообществ не только не ведет к единству мира, но, напротив, вызывает вполне естественную реакцию – стремление сохранить свою уникальность, подчеркнуть самодостаточность, вплоть до максимальной изоляции от мировых процессов. По сути, мир столкнулся с реальной проблемой существования множественности в единстве, с осознанием ценности разнообразных путей и способов существования различных социальных систем.

Глобальные тенденции, характеризующие развитие современной цивилизации, касаются по преимуществу проблем техники, технологии, универсализации экономической жизни. Под термином «глобализация» обычно понимается «превращение мировой экономики из суммы национальных экономик, связанных потоками товаров и капитала, в единую производственную зону и единый рынок, в котором свободно перемещаются капиталы, товары и услуги»¹. К этому нередко добавляют унификацию законодательных положений, регулирующих международные экономические отношения, и складывание относительно единого культурного пространства.

Процессы глобализации ее приверженцы называют необратимыми и неизбежными. Следуя логике тотального экономизма, они утверждают, что складывающаяся сегодня глобальная экономика породит глобальную культуру, что именно это и является целью человечества. Мир должен осознать свое единство, сознательно выбирая путь «глобального человечества». Процессы глобализации, таким образом, являются закономерным этапом развития человечества, следующим за модернизацией.

Критики глобализации выдвигают не менее убедительную аргументацию. Так, И. Валлерстайн, один из наиболее серьезных современных аналитиков, рассмотрев ситуацию мир-экономики 70-90-х гг. XX в., обращает внимание, что идеи «развития», технической модернизации различных обществ не привели к сколько-нибудь утешительным результатам, напротив, рационалистические идеи, лежащие в ее основе, переживают кризис. Равенство, на котором строились «концепции развития» (равенство понималось в различных плоскостях – как равенство возможностей технического развития, формирования политических систем и пр.), оказалось почти фикцией, поскольку в действительности мир полон «глубокого неравенства»².

---

¹ Широков Г.К. Облик будущего мира // Глобальное сообщество: новая система координат (подходы к проблеме) / Отв. ред. А.И. Неклесса. – СПб: Алетейя, 2000. – С. 189.

² См. подробнее: Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. Пер. с англ. – СПб.: «Университетская книга», 2001. – С. 208–226.

Процессы, которые происходят в современном обществе, – следствие того развития, которое прошла мир-экономика с XVI в.: либерализм, суверенитет, модернизация – знаки на пути мира, шедшего к неизбежному единству. И понятие «глобальная культура» является логичным следствием этих процессов.

В докладе, прочитанном на конференции «Новые культурные образования в век транснациональной глобализации» (Academia Sinica, Тайвань, 6–7 октября 2001 года), И. Валлерстайн рассмотрел «плюсы» и «минусы» глобальной культуры. Анализируя ситуацию, сложившуюся в мире конца 1990-х гг., ученый противопоставляет две тенденции: признание универсальных ценностей (ценности суверенитета наций и прав человека) и ценностей «местных культур». Он полемически провозглашает: «Мы все знаем, какой разной жизнью живут люди в разных частях мира и в какой мере им ежедневно приходится реагировать преимущественно на требования своих местных "культур". Глобальные культуры, о которых я говорил, вероятно, неизвестны значительному большинству населения планеты, и вряд ли они имеют хоть какую-нибудь значимость даже для высокообразованного меньшинства, осведомленного с их постулатами. То же самое наблюдается и в средоточии защитников универсальных норм, в организациях, созданных для их поддержки и пропаганды»³.

Сама постановка проблемы о возможности универсальных форм культуры еще раз обращает внимание на разнокачественность и разновекторность современного мира, заставляет задуматься, какой ценой адепты глобализации стремятся реализовать свои планы и что это, в конечном счете, несет человечеству.

Возможен ли компромисс между глобальными и локальными тенденциями современного мира, покажет время. Современная ситуация свидетельствует лишь о том, что созданная и спроецированная на весь мир система (ее можно назвать универсальной моделью развития) находится в состоянии глубокого кризиса. И кризис этот не только и не столько экономический, сколько духовный: это кризис основ, на которых зиждилась мировая система последние несколько веков. Проблема расширения или сужения рынка сбыта товаров и услуг заставляет искать ответа на более существенный вопрос: насколько возможно тиражирование одних и тех же «жизненных стандартов» и не приведет ли это к унификации мира?

Ценностная составляющая кризиса (разочарование в либеральных ценностях, демократизации, рационалистических формах хозяйствования) заставляет обратиться к культуре как аксиологической системе, вновь требует осознания ее роли в создании и утверждении человеческого образа мира. При этом акцент делается на противопоставлении «цивилизации» (стремящейся к объединению и универсализации системы) и «культуры» (разъединяющей людей по различным ценностным основаниям).

Высказываются опасения о возможности стирания культурных различий, что может привести к утрате или даже гибели уникальных культурных миров. За фразеологией политиков в данном случае стоит вполне обоснованная опасность за судьбы культуры, которую понимают как необходимое условие существования человека и всего человечества. Лозунг «Иной мир возможен», выдвинутый антиглобалистами на Всемирном социальном форуме в Порту-Алегри (Бразилия, январь 2002 г.), демонстрирует желание обрести другие (вероятно, не только экономические) основания для обустройства мира. Делаются попытки осознать ценностную основу этого «иного» мира, опирающуюся на признание ценности множественности культур, присутствующих в мировом пространстве и, следовательно, множественности путей для развития⁴.

---

³ Цит. по опубликованному в Интернете докладу: Валлерстайн И. Глобальная культура: спасение, угроза или миф? – Доклад прочитан на конференции «Новые культурные образования в век транснациональной глобализации», Academia Sinica, Тайвань, 6–7 октября 2001 года. // <http://old.politstudies.ru/universum/dossier/01/wall02.htm>

⁴ Проблемы культуры для антиглобалистов, как нам кажется, находятся на периферии их размышлений. На первый план выходит обсуждение экономических реалий современного мира, связанных с долгами «стран третьего мира», их тотальным

Противовесом глобальным тенденциям называют *регионализацию*. Проблемы глобализации и регионализации в большей степени рассматриваются как общемировые тенденции, связанные с развитием макросистемы. Единство мирового экономического пространства и неизбежная дифференциация стран все чаще заставляют рассматривать глобальные тенденции как неизбежность, с которой необходимо считаться, которую необходимо учитывать при анализе современного состояния отдельных государств и в долгосрочных прогнозах социально-культурного развития.

Во второй половине XIX в. в Европе регионализм возникает как независимое движение, противостоящее глобальным тенденциям и унификации общественной жизни, что подталкивало к созданию автономных образований внутри складывающихся государств. Идея создания «Европы регионов», пришедшая на смену «Европе национальных государств» (или, если воспользоваться термином де Голля, «Европе отечеств»), на наших глазах приобрела вполне реальные очертания. В 1988 г. Европарламент принял так называемую «Хартию регионализма», которая декларировала, что формирование Европейского союза обязательно включает в себя демократическое представительство регионов с закреплением за региональными и местными властями функций, необходимых для их активного участия в создании политического, экономического и социального единства Европы. Хартия сформулировала курс не только на сохранение региональных автономных образований, но и на их развитие и вовлечение в построение и функционирование Союза.

Европейский союз, чья деятельность получила дополнительную определенность после подписания Маастрихтского договора (1992), выступил не только движущей силой новых процессов, но и регламентировал ее. Так, в частности, был создан Комитет регионов «для регулирования решения специфических проблем» земель (ФРГ, Австрия), кантонов (Швейцария), территорий (Франция, Испания, Великобритания). Регионализм понимается здесь как совокупность регионов страны (географически локализованных общностей), обуславливающих ее разнообразие.

Возникшее в научной и публицистической литературе понятие «Европа регионов» фиксирует не только кризис государства-нации в эпоху глобализации экономики развития интеграционных процессов, но и тенденций к созданию субэтнических регионов, возникших в ходе административно-территориального деления и трансграничного сотрудничества⁵.

Идя от изначального понимания слова «регион» (от лат. *regionalis* – местный, областной), аналитики исследуют территориальный фактор, играющий значительную роль при обращении к широкой социально-территориальной общности. В данном подходе понятия «район» и «регион» – синонимы, характеризующие отношение к территории (области, стране, группе стран). В этой логике регионализм – «это определенный угол зрения, важный для понимания страны»⁶, а региональный анализ означает «исследование вопросов размещения экономической системы на территории государства (или в мире) с точки зрения разделения этой территории на отдельные районы (регионы)»⁷, связанный с пространственным анализом экономики с точки зрения размещения производства, экономических связей и т.п., и лежит в основе таких наук как региональная экономика, география, геополитика.

Исследователи при этом констатируют, что само понятие «регион» является многоуровневым: «Это – город и его округа; район и его области; края, республики, автономные округа; государство и его районы; международное регионально сообщество и входящие в него госу-

---

обнищением, взаимоотношениями с транснациональными корпорациями и мировыми финансовыми институтами и пр. Особое место, в связи с выше перечисленными проблемами, занимает работа антиглобалистских неправительственных организаций, различных социальных движений.

⁵ См. подробнее: Зонова Т.В. От Европы государств к Европе регионов // Полис. – 1999. – № 5. – С.155–164.

⁶ Бусыгина И.М. Регионы Германии. – М.: РОСПЭН, 2000. – С. 4.

⁷ Большой энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1981. – С.1123.

дарства, крупные регионы мирового сообщества (Азиатско-Тихоокеанский, регион стран СНГ и т.д.)»⁸. Однако эта многоуровневость касается, прежде всего, пространственных различий и связывается с системами местного управления данными территориальными образованиями (примерами такой трактовки служит анализ формирования муниципальных образований в отдельных странах, развитие культурно-национальных автономий, появление независимых государств).

Применительно к современной Европе можно говорить о создающейся сложной структуре управления: наднациональный уровень которой связан с существованием единой Европы, национальный – с отдельными государствами, и более частными структурами – регионами и местным самоуправлением.

Таким образом, отождествление понятий «регион» и «территория» позволяет исследовать, прежде всего, проблемы управления отдельными частями отдельных стран, возникающими в русле общих процессов либерализации. Такая трактовка понятия «регионализация» довольно точно отражает сложившуюся систему взаимоотношений между странами одного региона, где проблемы управления и социально-экономического развития не нивелируют особенностей культурного развития, а, напротив, стремятся их учитывать.

В уже упоминавшейся «Хартии регионализма» сформулированы признаки, по которым регион можно рассматривать не только как физико-географическую, структурно-управленческую и хозяйственную общность, но и как единство этнических, языковых, религиозных особенностей народов, объединенных общим историческим прошлым. Вводя в понятие региона «культурную составляющую», можно тем самым расширить самое понимание регионализма, дифференцируя территории не только по внешним признакам, но и по глубинным основаниям (например, общности исторической судьбы)⁹.

За последние два десятилетия произошли существенные изменения в отношении к регионализму, сложившемуся в предыдущий период, когда в его контексте рассматривалось социокультурное развитие отдельных территорий в рамках национальных государств. В реальной жизни процесс пошел в другом русле: тенденции регионализации в современной Европе все больше сопрягаются с политической децентрализацией, развитием националистических движений, сепаратизмом. Под вопросом оказывается дальнейшая реализация проекта «Единая Европа».

Выход Великобритании из ЕС (Brexit) обнаружил, что сепаратистские настроения в Шотландии никуда не исчезли, несмотря на поражение сторонников независимости в референдуме 2016 года. Власти Испании посчитали незаконным референдум по вопросу о независимости Каталонии (октябрь 2017), на котором более 90% от числа проголосовавших высказались «за отделение». Политологи рассматривают возможные сценарии отделения Корсики от Франции или Северной Италии от Южной, появления вместо Бельгии «независимых» Фландрии, Валлонии и города-государства Брюссель. Все заметнее сепаратистские тенденции в Баварии, Южном Тироле, на Аландских островах.

Неоднозначность оценки данных процессов заключается в том, что, с одной стороны, европейские политики выступали с предложением преобразования ЕС в «Европу регионов», о чем говорилось на заседаниях регионального парламента – Комитета регионов, в состав который входят представители 350 регионов всех 28 стран – членов ЕС, с другой, Евросоюз должен защищать территориальную целостность своих членов и существование национальных государств, что закреплено в договорах ЕС.

---

⁸ Белова В.Л. Регионоведение. Регионообразующие факторы // Социально-гуманитарные знания. – 1999. – № 2. – С. 57.

⁹ Такой подход осуществлен, в частности, в работе И.М. Бусыгиной «Регионы Германии», посвященной проблеме «культурного федерализма» одной из европейских стран.

Возникает острая потребность в нахождении баланса между дальнейшей регионализацией и сохранением единства как отдельных государств, так и Европы в целом. Это предполагает новую концептуализацию самого понятия «регионализм» на современном этапе.

Проблема паритета глобальных, региональных и локальных тенденций характерна не только для всего миропространства, она все более выходит на первый план при обращении к современному состоянию отдельных стран, мультикультурность которых исторически обусловлена. Особенную актуальность эти вопросы приобретают в ситуации перехода или трансформации общественных отношений.

При анализе микроуровня мир-системы (в рамках одной страны) проблемы глобализации и регионализации могут быть интерпретированы в контексте проблемы единства страны, состоящей из множества не похожих друг на друга регионов, областей, национальных республик. Именно в таком ракурсе можно рассматривать ситуацию, сложившуюся в России последнего десятилетия.

Если обратиться к географическому пространству России, то становится очевидным, что мы имеем дело, по сути, с микромоделью мира: различия между отдельными составными частями Российской Федерации носят природно-географический, экономический и этнокультурный характер.

Само понятие регионализации РФ увязывают с постепенным перераспределением ответственности «от центра (федерального уровня власти) к региональному уровню и далее к местному самоуправлению, что сопровождается резким обострением противоречий между существующей организацией управления регионами и новыми требованиями к ней»¹⁰. Регион рассматривается как составная часть федерации как формы государственного устройства.

Рассматривая регионализм как систему административной децентрализации, можно было бы говорить об одной из форм территориально-административного деления государства, если бы не разгорающиеся каждый раз с новой силой баталии, связанные с болезненной проблемой «разграничения властных полномочий субъектов РФ», чреватых новыми «парадами суверенитетов». Именно представление о «независимости» региона от целого, связанное с использованием региональных ресурсов (от природных до производственных) и проблемами «власти», приводят к тому, что у слова «регионализм» сложилась явно негативная семантика, его нередко путают с «сепаратизмом», угрожающим распадом страны и утратой ее целостности.

В «Основных положениях региональной политики в Российской Федерации» (1996) практически отождествляются понятия «регион» и «субъект Федерации». Понимая под субъектом некое образование, чья деятельность направлена на изменение или развитие условий существования внутри большого федеративного государства, скорее акцентируются проблемы правового регулирования взаимоотношений «части» (субъекта Федерации – региона) и «целого» (российского государства). Современное административное деление России на области, республики, объединенные в федеральные округа с учетом сугубо административно-территориального основания, также обращает к пониманию региона как подсистеме хозяйствования и политического устройства, организованной на определенной территории.

В утвержденных Указом Президента РФ от 16 января 2017 г. № 13 Основах государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года наряду с понятием «регион» (территория в границах субъекта РФ) вводится понятие «макрорегион» (часть территории Российской Федерации, включающая в себя территории двух и более субъектов Российской Федерации, социально-экономические условия в пределах которой требуют выделения отдельных направлений, приоритетов, целей и задач социально-эконо-

---

¹⁰ Попов А.В. Административно-территориальное управление и новая политическая роль регионов // Социально-гуманитарные знания. – 2000. – № 5. – С.259.

мического развития при разработке и реализации документов стратегического планирования). Обе категории акцентируют прежде всего характер социально-экономических связей, определяющих роль субъекта Федерации как хозяйственного субъекта.

Если ранее макрорегионами называли Дальний Восток и Северный Кавказ, то в доработанной Минсистерством экономики РФ «Стратегии пространственного развития» выделяются еще 12 макрорегионов и закрепляется представление об их экономической специализации¹¹.

Вариантом такого подхода является представление о регионе как о месте действия субъектов геополитики, связанном с геополитическими стратегиями развития мировых систем. В этом случае понятие «регион» не коррелирует ни с географическими, ни с политическими границами. Его рассматривают лишь в качестве «фактора ситуации»: «Регион понимается как центр действия и уравнивания, где обстоятельства мира вовлекаются, дабы быть рационализированными в качестве фактора ситуации»¹².

Подобная «факторная» оценка, на наш взгляд, нивелирует представление о пространстве как о закреплённом на географической карте месте жизни конкретных людей и различных этнокультурных систем.

Понимание ценности природной среды для формирования определенного типа культуры, характерного для конкретной территории, заставляет искать новых подходов к исследованию региона и феномена регионализма. Наиболее плодотворными становятся междисциплинарные исследования, рассматривающие регион как систему, возникшую в результате взаимодействия различных сторон и условий общественной жизни на данной территории. Насущный характер приобретает осмысление специфики существования регионов, рассмотрение их связей с единым целым и друг с другом, понимание особенностей этнокультурного своеобразия, типа личности, форм самопроявления человека в определенных природно-географических условиях.

Такая трактовка лежит в основе концепций гуманитарной географии. Сфера гуманитарной географии, как ее определяют современные исследователи, находится в тесной связи с проблематикой культурологии. Так, Е. Ковалев пишет: «Понятие гуманитарной географии шире, чем социально-экономическая география, поскольку включает еще и политическую географию, этногеографию, географию культуры и культурных ландшафтов, географию религий, медицинскую и рекреационную географию»¹³. Это не только расширяет сферу собственно географических исследований, но позволяет обозначить одно из важных направлений целостного гуманитарного подхода к явлениям социальной жизни. Необходимость «гуманитарного», а точнее – «культурного», подхода к географической среде позволяет осознать регион как особое единство политических, социальных, культурных, этнических связей.

В то же время отметим, что проблема регионализации страны носит не столько административно-территориальный, сколько социально-культурный характер. Осмысляя различия регионов и отмечая общность их судьбы, мы тем самым можем приблизиться к новому пониманию, что есть Россия сегодня (и, возможно, найдем другие решения сложных и зачастую конфликтных ситуаций внутрироссийского развития).

Особое место при таком подходе занимает изучение регионообразующих факторов. Наряду с традиционными знаниями о географических и климатических условиях, изучением природных ресурсов, проблем демографии и заселенности определенных территорий, среди регионообразующих факторов все большее значение приобретают этнокультурные факторы,

---

¹¹ Россию делят на четырнадцать // Газета «Коммерсантъ». – 2018. – 28 августа. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3724754>

¹² Казарян Л.Г. По ту сторону системы координат (мирополитические и мирохозяйственные процессы через призму западной геополитики) // Глобальное сообщество: новая система координат (подходы к проблеме) / Отв. ред. А.И. Неклесса. – СПб: Алетейя, 2000. – С.122.

¹³ Ковалев Е.М. Гуманитарная география России. – М.: ЛА «Варяг», 1995. – С. 4.

анализ культурных реалий, связанных с историческим прошлым, с одной стороны, и «вписанностью» региона в общий контекст развития страны и мира, с другой. Таким образом, в современной российской социокультурной ситуации актуальным становится рассмотрение проблем, связанных с регионализацией, в контексте развития культуры.

В нашей работе мы будем понимать *регион* как целостное геокультурное пространство, со своими природно-географическими и историко-культурными реалиями.

На протяжении достаточно длительного времени регион был объектом исследования в разных науках (географии, истории, этнологии, культурологии, политологии, социологии и др.). Сегодня возможности региональной аналитики видятся по-новому: внешние характеристики региона должны сочетаться с глубокой саморефлексией. Как отмечает В. Каганский, сегодня речь должна идти о региональной герменевтике, постижении культурных, идеологических и политических контекстов и смыслов, столь разнообразно представленных в современном мире.

Вероятно, мы находимся на пути осмысления региона как ценностной категории, где интерпретация региональной истории и современного бытия будут тесно связаны с личностью воспринимающего-интерпретатора, скорее переживающего и понимающего, нежели знающего и объясняющего. Погружение с культурно-историческую традицию должно дать исследователю возможность осознания глубинных основ исследуемого феномена, «выстраивание» фактов истории и современности должно привести к постижению «смыслов региона», а осознание системы ценностей разных исторических эпох может помочь в оценке своеобразия его развития.

В логике герменевтического анализа особое место занимает личность интерпретатора, его способность к реконструкции исторических реалий развития региона, его ценностных ориентиров, его способности быть «настроенным» на постижение смыслов и значений. Попытки такого подхода к описанию культуры существуют. Вспомним работы Г. Гачева, посвященные национальным образам мира. Попытка проникновения в инокультурную среду, стремление осознанно и рефлексивно отнестись к «образу» конкретной инокультуры, закрепленной в сознании современного россиянина, через воссоздание системы ценностей «другого мира», через его символы и знаки демонстрирует продуктивность такого анализа. Можно вспомнить и попытки другого рода (условно объединенные под названием «понять Россию»), где авторы различных национальных принадлежностей стремились «разгадать тайну» нашей страны (Д. Биллингтон, И. Берлин и др.). Опыты саморефлексии также хорошо известны: в трудах русских философов XX в. довольно детально рассматриваются онтологические проблемы России, делаются попытки понимания и осознания ее судьбы (см., напр., работы В. Соловьева, Н. Бердяева, С. Булгакова, П. Флоренского или работы современных авторов В. Кожина, А. Панарина¹⁴).

Насущной проблемой современной науки видится необходимость осмысления локальных целостностей. И в том числе в логике предложенных в качестве возможных подходов герменевтики и «понимающей философии».

Сегодня мы находимся только в самом начале осмысления и апробации новых подходов в регионалистике. Реальные события, произошедшие на протяжении исторического развития отдельной страны или территории, причины, их обусловившие, артефакты, в которых воплотились те или иные идеи и т.п., давно и прочно стали объектами пристального изучения ученых. И если опыт описания инокультуры и или культуры страны в целом в литературе присутствует, то обращение к специфике отдельных регионов России находится в стадии становления.

---

¹⁴ Различные социально-политические ориентации исследователей могут служить еще одним доказательством сложности поднимаемых проблем и их тесной связью с личностью интерпретатора.

В настоящее время стоит новая задача, используя накопленный опыт, применить его для анализа региональной проблематики в современной России. Сложность поставленной задачи усугубляется тем, что если национальные культурные общности, проживающие на территории Российской Федерации, в той или иной мере изучались, то регионы, особенно заселенные по преимуществу этнически русским населением целостному анализу практически не подвергались. Во многом это объясняется тем фактом, что «локальные историко-территориальные образования, обладающие ярко выраженной локальной специфичностью», всегда акцентировали «собственную принадлежность к российскому государству»¹⁵ и не воспринимались как нечто самодостаточное и обладающее самостоятельной ценностью. В то же время необходимость изучения отдельных составных частей России диктуется реалиями сегодняшней жизни.

---

¹⁵ Косач Г. Оренбург: региональная мифология как фактор взаимоотношений с соседями // Реальность этнических мифов. / Под ред. А. Малашенко и М. Б. Олкотт; Моск. Центр Карнеги. – М.: Гендальф, 2000. – С.78.

Глава 2. Региональная культурология в России: от становления к обретению предметного поля

В настоящий момент региональная культурология в России находится в состоянии становления и определения собственного проблемного поля. Постулируется, что данное научное направление занимается исследованием региональных особенностей социальной, экономической, культурной, политической жизни отдельных территорий, входящих в более общие целостности – национальные культуры.

Однако нет надлежащей рефлексии над методологическими процедурами данного научного направления, недостаточно обоснована дифференциация региональной культурологии, исторического краеведения, этнопсихологии, использующих в качестве объектов исследования одни и те же феномены.

Сегодня можно говорить о складывающихся двух направлениях исследовательских дискурсов в региональной культурологии: региональной культурологии зарубежных стран и региональной культурологии России. Особый интерес, на наш взгляд, имеет именно второе направление. Это связано с реалиями, с которыми страна и ее регионы столкнулись на протяжении последних десятилетий.

В современной культурологии особое место занимают работы, связанные с осмыслением специфического характера культуры, ее противоречивого единства. Воссоздавая образ мировой культуры, исследователи сталкиваются с разнокачественными и противоречивыми явлениями, находящимися в сложном взаимодействии – взаимного влияния, притяжения или отталкивания.

На протяжении XIX–XX вв. делались множественные попытки осмыслить логику развития мировой истории культуры: линейные, не учитывающие специфику культур разных народов (т.н. «теории прогресса», европоцентристские по своей сути); «циклические», опирающиеся на представление о замкнутости и непроницаемости культур (О. Шпенглер); синергетические, связанные с представлением о культуре как о саморазвивающейся системе (М.С. Каган). Интерес представляют исследования, обращающиеся не к стадийному развитию культуры, а к их типологии. В этой логике мировая культура рассматривается одновременно как целостность (единство всех существовавших, существующих или будущих культур) и дискретность (то, что Н. Данилевский называл культурно-историческими типами, а А. Тойнби – самозамкнутыми дискретными культурно-историческими единицами). Продуктивность такого рода исследований очевидна, поскольку опирается на реальную множественность культур, присутствующих в едином пространстве мировой культуры. Это разнообразие форм, видов и типов культур обусловлено различными факторами: географическими, историческими, этническими, религиозными, социально-экономическими, политическими.

Сложность описания феномена мировой культуры кроется в его известной двойственности: быть одновременно формой существования отдельных этносов, народностей, социумов и создавать поле для их сосуществования. Мегауровень (мировой культуры), спроецированный на уровень развития национальной культуры (мезоуровень), не упрощает ситуацию. Обратившись к национальной культуре, мы вновь сталкиваемся с единством многообразия, связанного уже с социокультурными различиями, возникающими на разных исторических ступенях развития. Если обратиться к географическим и историческим факторам, то мы обнаруживаем, как на одной и той же территории в разные исторические эпохи возникают разные культуры, иногда генетически связанные с предшествующими, иногда отрицающие их.

В рамках одного политического и социально-экономического целого сосуществуют, вступая в противоречия или сглаживая их, различные культурные миры, с особыми этническими

историями или конфессиональной принадлежностью. Говоря о мире национальной культуры, мы постоянно сталкиваемся с дифференциацией на уровне индивидов, обусловленной социальным опытом, системами воспитания, способами самореализации.

Создание моделей функционирования национальной культуры вступает в противоречие с практикой конкретного бытия, обусловленной наличием сложных связей между отдельными социальными или этническими группами, их притяжением–отталкиванием, общностью и различием исторических судеб, разнонаправленностью ценностных ориентаций.

В научной литературе вопрос о региональных различиях имеет большую историю: от анализа регионализма в истории (E. Storm) или рассмотрения «старого» и «нового» регионализма в контексте экономических проблем (M. E. Burfisher, S. Robinson, K. Thierfelder) до частных вопросов региональной культурного наследия, становящихся основой для привлечения туристов в страну (T. Cuccia, R. Cellini). И, может быть, особую трудность вызывает анализ культуры России, которая по разнообразию культурно-исторических типов, живших и живущих на ее территории, типологически близка мировой культуре в целом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.